

ВОСПОМИНАНИЯ

Е. В. Хмелёва

«Минувшее проходит предо мною¹...»

(Пушкиногорье и Пушкинский Заповедник
в воспоминаниях М. А. Шпинёвой)

В основу данной работы легли воспоминания одного из старейших работников Пушкинского Заповедника Марии Алексеевны Шпинёвой. Её память сохранила как отголоски событий собственной жизни, неразрывно связанной с жизнью заповедника, так и воспоминания матери, Дарьи Тимофеевны Ивановой, служившей горничной в Колонии литераторов, существовавшей в Михайловском с 1911-го по 1918-й г.

Вся долгая жизнь Марии Алексеевны Шпинёвой, также как и жизнь её предков, связана с землёй, ставшей для Александра Сергеевича Пушкина «животворящей святыней», «милым пределом».

Мария Алексеевна родилась в 1919 г. в деревне Савкино, расположенной в километре от Михайловского, родового имения Ганнибалов и Пушкиных.

Примерно за год до рождения Марии Алексеевны были разграблены и сожжены все помещичьи усадьбы в округе Савкино. Эта участь постигла и «скромную обитель» семьи поэта.

Мария Алексеевна стала свидетельницей последующих событий, происходивших в родных краях. Она видела, как нелегко, а порой абсурдно шло возрождение разорённой и осквернённой пушкинской земли в послереволюционные годы. Она помнит годы фашистской оккупации, а также послевоенное восстановление и расцвет Пушкинского Заповедника.

В воспоминаниях Марии Алексеевны Шпинёвой приводятся общеизвестные, малоизвестные и никому кроме неё не ведомые факты из жизни пушкинского уголка. Возможно, эти малозначимые подробности не имеют большого значения в истории заповедника, но они придают живинку рассказу, делая его образным и зримым.

Я родилась в деревне Савкино в 1919 году. Мои родители, отец Иванов Алексей Иванович и мать Дарья Тимофеевна, оба 1896 года рождения были родом из Псковской губернии, но из разных деревень, находившихся далеко друг от друга. Деревня матери Стешукино была расположена в 5–6 километрах от имения друзей Пушкина Голубово, а

отец почти всю свою жизнь прожил в деревне Савкино, отстоявшей в километре от Михайловского, имения Пушкиных. На пушкинской земле судьба свела их вместе.

Моя мама Дарья Тимофеевна в 1914-м году приехала служить горничной в колонию для престарелых литераторов. Это было благотворительное учреждение, организованное в память Пушкина в Михайловском в начале XX-го века. Помог ей устроиться на работу дядя Егор, родной брат её отца. Дядя Егор

Хмелёва Елена Васильевна — методист по научно-просветительской деятельности Музея-заповедника А. С. Пушкина «Михайловское».

был в колонии старостой с самого её основания. Там же, в колонии в то время служила и его дочка Маша. Маша была на два года моложе моей мамы. Она работала в колонии с пятнадцати лет. Чем конкретно занималась Маша в колонии, я не знаю, известно только, что выполняла разные поручения, потом барыня подарила ей швейные принадлежности и научила шить. С тех пор тётя Маша шила для колонии всё, что было необходимо, а после революции обшивала всю родню.

Моя мама в колонии служила горничной. В обязанность горничной входило не только следить за чистотой в жилых помещениях и прислуживать за столом, но и выполнять различные поручения, в том числе открывать для посетителей музей и находиться там до тех пор, пока господа его не покинут. Мама служила в колонии горничной до конца января 1918 года, до тех самых пор, пока последняя из проживавших там старушек, Варвара Васильевна, не переехала на Воронич, где сняла комнату у старой дьяконихи. В конце февраля того же года колония была разграблена мужиками, а музей Пушкина сожжён.

Мама и тётя Маша остались без защиты, без средств к существованию, вдали от родной деревни. Страшно было от неопределённости и незащитности. До дома добираться было сложно: зима, холод, беспредел... Да и там, в родных краях, происходило тоже самое, что и здесь: никто не подчинялся никаким законам, жили по принципу «грабь награбленное».

Спасло их замужество: в феврале 1918 года они обе вышли замуж, тётя Маша — в Кокорино, а мама — в Савкино.

Кокорино находится неподалёку от Михайловского, Савкино совсем рядом. Мой отец, Алексей Иванович Иванов, был кореным савкинцем. Во время Первой мировой войны он служил в царской армии. Когда начались революционные события, вернулся домой и вскоре женился на моей матери. Мать, прежде чем дать согласие на брак с отцом, пошла к Варваре Васильевне, той самой старушке, которая во время революционных событий перебралась из колонии на Воронич на квартиру к дьяконихе. Варвара Васильевна была писательницей. Печаталась под псев-

донимом Починковская. Она в своём дневнике, названном «Шесть лет в Михайловском», не раз упоминала и мою маму, и бабушку, и бабушку, приезжавших её навестить, и дядю Егора. Мама очень доверяла Варваре Васильевне и попросила у неё совета, как ей следует поступить, на что барыня ей ответила: «Выходи замуж за него смело. Алексей — человек надёжный». На свадьбу Варвара Васильевна подарила маме белое покрывало из дорогой плотной материи. По всей поверхности этого покрывала были вышиты четыре огромные красные розы. Я решила сшить из этого покрывала красивые наволочки на подушки и разрешила его. Наволочки так и не удосужилась сшить, но лоскуты от покрывала храню, как память.

После женитьбы отец ушёл в Красную армию. Как-то так получалось, что он то возвращался домой, то опять уходил воевать. Пока папа сражался за советскую власть, мама жила с его родителями и растила детей. Она родила ему трёх дочерей и сына.

Нам, ребятам, она много рассказывала о своей жизни. Часто вспоминала о том, как служила горничной в колонии для престарелых литераторов, при этом очень хвалила барыню Варвару Васильевну. Мы ругали маму за то, что она её так хвалит, считали, что барыня не может быть хорошей, потому что она барыня. Мама от нас отбивалась: «Хоть ругайте меня, хоть не ругайте, а всё равно своё скажу: Варвара Васильевна была хорошая». Мама заступалась перед нами за Варвару Васильевну, так что и не знаешь: говорила, что барыня ей и советами помогала, и подарки дарила и, считай, что на замужество благоговела.

Деревня Савкино, в которой прошло моё детство, была небольшой. Взрослые говорили, что до революции в ней было всего 2 дома, в которых жили своими семьями два брата: Николай и Пётр. У каждого из них было по 3 сына. Потом сыновья отделились от родителей, и в деревне стало уже 6 дворов. Мы были из рода Николая. Сразу за нашей деревней, вдоль дороги, ведущей в деревню Воронич, стояли 3 маленькие-маленькие, как игрушечные, ветряные мельницы. Они принадлежали Ефиму Петровичу, Александру Петровичу и Николаю Николаевичу. На этих

мельницах хозяева мололи муку только для своих нужд.

Позднее в Савкино появился ещё один дом. В нём поселился Волков Николай Петрович. Он купил в Савкино землю и занимался хлебопашеством. Волков сожительствовал с Анной Михайловной. Своих детей у них не было, зато чужих детей они привечали. Бывало, позовут кого-нибудь из ребятшек к себе, да гостинца дадут.

Брат Николая Петровича, Александр Петрович Волков был купцом и жил в Святых горах. Его лавка стояла напротив Святогорского монастыря. Подворье Александра Волкова можно увидеть на дореволюционной открытке «Святые Горы, Пск. губ. Общій видъ съ птичьего полёта».

Где-то в самом конце 20-х годов началось раскулачивание. Волковы, не дожидаясь, пока их раскулачат, скрылись, и правильно сделали: вскоре после их отъезда пришли к нам в деревню представители комитета крестьянской бедноты раскулачивать семьи владельцев ветряных мельниц Александра Петровича и Ефима Петровича.

В это время внук Александра Петровича, шестилетний мальчик Вася был болен, лежал с высокой температурой. Его отец с матерью спрятались, оставив Васю с бабушкой и дедушкой. Видно, думали, что власти сжалятся над больным ребёнком да стариками, не погонят их из дома, но этого не произошло. По дороге на выселки мальчик умер. Мы всей деревней плакали по Васе.

С тех пор на савкинских мельницах уже никто не молот зерно. В 1936 году, когда Савкино включили в состав Пушкинского заповедника, эти мельницы были переданы заповеднику, но со временем они всё равно обветшали и развалились.

После раскулачивания соседей, отец, чтобы обезопасить свою семью, вступил в колхоз имени Пушкина. Вступая в колхоз, он отдал в общую собственность жеребца и корову. Папа был видным, работающим мужиком. Бабы-колхозницы иной раз его ставили в пример своим мужьям, что задевало их самолюбие. Один из них, как я потом узнала, даже приревновал к нему свою жену и написал на папу ложный донос, обвинив его в антисоветской пропаганде. Это произошло в 33-м году.

Отца несколько раз вызывали на допрос, а после последнего допроса взяли под стражу. Судила его «тройка». Что такое «тройка», я не знаю, одно скажу: за столом сидели три человека. Эта «тройка» приговорила папу к 10 годам. Свой срок отец отбыл полностью. В заключении он работал на строительстве Беломорканала.

После того, как отца арестовали, ко мне в школе ни со стороны учителей, ни со стороны учеников отношение не изменилось. Никто из тех, кто знал папу, не верил в его вину, меня даже в комсомол приняли, а позднее, когда я после школы устроилась на работу на метеостанцию, избрали секретарём совместной комсомольской организации заповедника и метеостанции.

Во время школьных каникул я, чтобы помочь семье, работала в колхозе имени Пушкина. Это был тот самый колхоз, в котором прежде работал отец. Колхозники сочувственно относились к нашей семье, хорошо отзывались о папе. Я была свидетельницей того, как на одном из колхозных собраний во время перепалки старуха-колхозница во весь голос кричала: «Семён Михайлович, тебя Бог накажет за то, что ты оклеветал невинного человека. Я знаю: ты эту записку писал. Ты четырёх детей осиротил! Бог тебе этого не простит!» Люди пытались, угомонить её, опасаясь того, что и ей не поздоровится, но она всё кричала и кричала своё. Старуха, как в воду глядела: через некоторое время в семье Семёна Михайловича случилось такое, чего и врагу не пожелаешь — родила ему жена друг за другом троих ребятшек, и все они оказались дурачками, совсем ни к какому делу не пригодные.

Вскоре после создания колхоза имени Пушкина, в который вступил мой отец, на территории Михайловского и Савкино был организован совхоз «Михайловское». В этот совхоз устроились на работу многие жители нашей деревни, но большая часть работников совхоза состояла из переселенцев.

Для переселенцев были выделены дома раскулаченных крестьян. Работников в новый совхоз приехало столько, что всем им места в свободных домах не хватило, поэтому многим пришлось снимать углы у местных жителей. Мы тоже сдали полдома. У нас жили бухгалтер и счетовод.

В то время, когда организовали совхоз, усадьба Михайловское уже входила в состав Пушкинского заповедника. В одном из флигелей колонии был устроен музей. Он стоял справа от входа в Еловую аллею. На этом месте теперь находится амбар. Я не раз бывала в музее. Мне в нём нравилось, он был очень уютным, светлым, окна были большие, потолки высокие. В музее находилась как пушкинская экспозиция, так и сельскохозяйственная.

В это время ещё цел был «домик няни», сохранившийся с пушкинских времён, в нём был устроен пчельник. На лугах вблизи Михайловского паслись совхозные коровы холмогорской и ярославской пород, скотный двор, также как и свинарник, находились неподалёку от «аллеи Керн». Они стояли рядышком: скотный двор был побольше, а свинарник поменьше.

Я не знаю, были ли это господские постройки, сохранившиеся со времён Григория Александровича Пушкина, или совхоз их поставил на фундаментах дореволюционного скотного двора и свинарника, но на схеме² усадьбы Михайловского 1899 года видно, что свинарник и скотный двор обозначены на том самом месте, где были расположены совхозные постройки, предназначенные для содержания скота.

Потом совхоз «Михайловское» переименовали в совхоз «Красный партизан», а через некоторое время его стали называть ОРСом им. Степана Халатова.

Для того, чтобы обеспечить рабочих совхоза хлебом, в Савкино над рекой, на самом краю холма, была поставлена пекарня. Появилось в Савкино и электричество. Дизель был установлен в маленьком домике, стоявшем у болота.

Основные хозяйственные постройки совхоза находились в Михайловском, а в Савкино содержали только кроликов. Клетки с кроликами находились на поляне, расположенной между лесом и деревней.

В 33-м году заповедник передали в ведение Академии Наук СССР, ОРС ликвидировали и стали приводить в порядок усадьбу.

В это время я ещё была ученицей ШКМ (школы крестьянской молодёжи), находившейся в Пушкинских Горах. В этой школе

я училась с пятого класса, а начальное образование получила в Воронической школе первой ступени, расположенной примерно в километре от нашего дома. В эту школу меня приняли в 27-м году. Школа стояла на вершине городища Воронич. Под неё был приспособлен небольшой, ветхий домик, когда-то относившийся к Георгиевской церкви. В каждом классе этой школы училось по 20, а то и по 30 детей. Кроме школы на городище стояли ещё два дома. Они тоже прежде принадлежали церкви, сгоревшей на Троицу от удара молнии года за два до того, как я пошла учиться. Об этом событии я узнала от бабушки Матрёны Ефимовны, вернувшейся домой с заутрени. Пожар случился сразу после окончания службы.

Пушкиногорская школа крестьянской молодёжи, в которой я продолжила образование, была кирпичная, совсем ещё новая. В то время это было единственное кирпичное здание в посёлке.

Возвращаясь из школы, я иногда заходила в богадельню к бабушкиной сестре. Её звали так же, как и мою бабушку, Матрёной Ефимовной. Такое имя ей дал при крещении священник, невзирая на просьбы родителей назвать девочку другим именем.

Бабушку Матрёну мы все очень любили и звали её бабушкой Богаделенкой. Живя в богадельне, бабушка часто приходила к нам в Савкино, иногда оставалась на несколько дней погостить.

Богадельня была расположена на Пушкинской улице через дорогу от двухэтажного кирпичного монастырского дома. Бабушка всегда радовалась моему приходу и старалась меня чем-нибудь угостить. Жила бабушка вместе с другими безродными старушками в бедно обставленной комнатке. На их содержание районом выделялись какие-то небольшие деньги. Потом бабушку Матрёну забрал к себе племянник, живший в Острове. Там она нянчила его детей. В Острове бабушка и скончалась.

В 1936 году я закончила восемь классов и устроилась на метеостанцию ученицей. Метеостанция находилась в Михайловском. Она была расположена на той поляне, где в настоящее время проходят Праздники поэзии. Теперь на месте метеостанции стоят

высокие деревья, а возе них, ближе к дороге, ведущей к хоздвору, растёт яблоня.

В те времена от метеостанции в сторону михайловской электростанции, чуть ли не до самого леса, тянулся молодой заповеднический фруктовый сад, раскинувшийся на 4 гектара и засаженный мичуринскими саженцами. Бывало, выйдешь летом за дверь — тут тебе и яблоки наливаются, и ягоды зреют.

Метеостанция никакого отношения к заповеднику не имела, она относилась к Смоленскому управлению гидрометеослужбы. Вскоре после того, как я устроилась на работу, меня послали на 4 месяца учиться на курсы в Смоленск. После возвращения с курсов, я снова приступила к работе.

На метеостанции работало 5 человек. Метеостанция жила одной жизнью с заповедником: у нас была общая комсомольская организация, а следовательно, общие дела и общие мероприятия.

Мне особенно запомнилась экскурсия в Тригорское на речном трамвайчике. Эти трамвайчики курсировали по расписанию от Петровского до Тригорского. Их было два. Один из них носил название «Кемка», а другой — «Луга». В Михайловском пристань находилась возле Вороньей горки. Там же эти трамвайчики оставляли на ночь. От Михайловского до Тригорского можно было дойти пешком минут за тридцать-сорок, но это было слишком обыденно, то ли дело — на пароходе.

Отправляясь на экскурсию, мы набрали с собой еды и ещё кой-чего. По Сороти мы плыли на трамвайчике «Луга». Возле железнодорожного Дериглазовского моста нас задержали, велели предъявить пропуск. Администрация заповедника заранее позаботилась о том, чтобы он у нас был. После того, как мы предъявили пропуск, нас пропустили дальше. В Тригорском мы все вместе гуляли по парку, а после прогулки пировали на склоне тригорского холма.

Примерно в то же самое время, когда я устроилась работать на метеостанцию, в заповеднике появился новый директор Василий Захарович Голубев. Он поселился вместе с семьёй в доме, построенном при Григории Александровиче Пушкине, сыне поэта. При сыне Пушкина это был дом управляющего. В

довоенное время в нём жили директора заповедника.

Жена Василия Захаровича Голубева, Антонина Георгиевна, была мастером художественного слова. Она сама и сценарии писала, сама и выступала в заповеднике и в колхозах. Выступала она очень хорошо. Директорский сын Борька был моложе меня на полтора года и учился в школе.

Василий Захарович часто заходил на метеостанцию. Он был очень живым, общительным, доброжелательным, но требовательным: вникал во все дела. У Голубева была завидная хватка: за какое дело ни возьмётся — доведёт его до конца. Этим он во многом походил на Гейченко. При Голубеве в заповеднике всё изменилось: приступили к приведению в порядок парка, занимались расчисткой прудов, ремонтом мостов, выкопали ещё один пруд с островом посередине, приступили к строительству нового музея в Михайловском, а в старом появилось много ценных экспонатов, среди которых находился гарнитур из Малинников, имения тригорского друга Пушкина, и секретер из Тригорского.

В это время экскурсии по музею проводили Ольга Владимировна Ломан с мужем Холщевниковым. Кроме того, Ольга Владимировна занималась научной работой, писала путеводитель по Пушкинскому заповеднику. Этот путеводитель был опубликован где-то в середине тридцатых годов. На лето приезжали работать в заповедник Вера Константиновна Зажурило, Нина Васильевна Грановская. Впоследствии все они стали известными пушкинистами. Экскурсоводы, работавшие в музее, в основном были сезонные. Они приезжали из Ленинграда. Летом работало когда три экскурсовода, когда больше, а на зиму, случалось, оставался всего один экскурсовод. На время работы в заповеднике экскурсоводам выделялось жильё. Кого-то из них селили в доме, стоявшем там, где теперь находится поляна народных гуляний. Этот дом был расположен неподалёку от нижнего пруда, как раз у ската холма, спускающегося к Сороти. После войны этот дом назывался «нарядной». В «нарядной» послевоенный директор заповедника Семён Степанович Гейченко, или его заместитель по хозяйству каждое утро раздавал рабочим

«наряды» на работу. Снесли «нарядную» в самом конце девяностых годов.

Других экскурсоводов селили на усадьбе во флигеле, где при Гейченко находилась научная часть. Там же было и рабочее место экскурсоводов и директора заповедника.

При Голубеве была достроена Михайловская электростанция, и на усадьбе появился электрический свет. Механиком-дизелистом на электростанцию взяли работать Пётра Петровича Святогорова. Сначала семья Святогоровых жила возле электростанции в доме, принадлежавшем заповеднику, а потом выкупила здание совхозной пекарни и переехала в Савкино.

С 35-го года в Михайловском стали ежегодно отмечать дни рождения Пушкина. Народ гулял и на усадьбе, и под склоном Михайловского холма вдоль русла Сороти, и у озера Маленец, и у озера Кучане. Добирались на праздники кто пешком, кто на лошадях, кто на грузовиках. Однажды к нам на праздник из самой Москвы приехала целая команда велосипедистов. Чего только в эти дни не было: тут тебе и выступления, и гулянки с песнями, с частушками, с плясками, и ряженные, изображающие героев пушкинских произведений, и конные состязания, и листовки с напечатанными на них стихами Пушкина. Эти листовки сбрасывали с самолёта.

В 36-м году во время празднования дня рождения Пушкина один такой самолёт рухнул в озеро Кучане. Хорошо, что упал недалеко от берега, и всё закончилось благополучно: и лётчика выловили, и самолёт вытащили. Лётчика привели к нам на метеостанцию. Мы вызвали к нему скорую помощь, а до её приезда отмывали лётчика от крови и смазывали ему перекисью водорода ссадины. Он нам в это время рассказывал о себе. Что именно говорил, я уже не помню. Из всего сказанного запомнила только то, что он прилетел к нам на праздник из Великих Лук.

Массовые мероприятия устраивали не только летом, но и зимой. В феврале 37-го года в Михайловском отмечали столетие со дня смерти Пушкина. К пушкинскому юбилею готовились заранее: работники заповедника ездили по колхозам, рассказывали колхозникам о Пушкине, жена директора заповедника, Антонина Георгиевна, выступала перед колхозниками с концертными программами.

На мероприятия, посвящённые памяти Пушкина, приехали его потомки, известные писатели и другие, очень важные люди. После митинга, состоявшегося на могиле Пушкина, собравшиеся колонной пошли в Бугрово, где возле дороги, у въезда в Михайловский лес на возвышении был заложен памятный мраморный камень, на котором было написано о том, что здесь будет установлен памятник Пушкину.

На этом мероприятии я не присутствовала, так как находилась на работе, зато на открытие нового музея меня с работы отпустили. Открытие состоялось сразу после закладки памятного камня в Бугрово. В Михайловском в день открытия музея народа на усадьбе собралось очень много. После церемонии открытия нас пригласили в дом Пушкина. После осмотра нового музея народ спустился к Сороти, где продолжился праздник. Там была установлена трибуна. На ней стояли представители разных организаций, передовики, приглашённые на праздник гости. Мы выстроились вдоль дороги, пролегающей под холмом, и вдруг под крики огромной толпы народа, мимо нас, мимо трибуны одна за другой стали пронеситься тройки, украшенные еловыми ветками, флажками, транспарантами, портретами Ленина, Сталина, Пушкина, Горького и других великих людей. Конца и края не было видно этим тройкам. Говорили, что их было больше трёхсот. После этого начался концерт. Он длился долго.

Но, видно, не всё так хорошо было в заповеднике, как казалось. В том же 37-м году, уже после юбилейных торжеств, Голубев был арестован. Мы все за него очень переживали, никто из простых людей не верил, что Василий Захарович мог быть плохим человеком. Он был весёлым, общительным, энергичным. При нём жизнь в заповеднике так и кипела.

После Голубева директором заповедника был назначен Закгейм Михаил Зиновьевич, совсем ещё молоденький еврейчик. К нам на метеостанцию он не заходил, поэтому ничего о нём не могу сказать. Известно только то, что в первые дни войны он куда-то пропал. С тех пор я его не видела.

Перед войной положение в мире было тревожное, но думать об этом не хотелось: молодость брала своё. Пока была молодой, и

в кино надо было сходить, и на танцы. В кино и на танцы я ходила в Пушкинские Горы. Под кинотеатр была оборудована Никольская церковь, а клуб находился в здании Пятницкой церкви. Маме не нравилось то, что я хожу в Божий храм развлекаться. По этому поводу она возмущалась: «Как ты можешь танцевать в церкви?». Но мне в то время всё было ни почём.

Ходила я в посёлок и на ярмарки. В то время ярмарка была большим событием в сельской жизни, ведь ярмарка это — не просто торговля. Ярмарка это — праздник, общение, песни, шутки, заигрывания парней с девушками. Народ на ярмарки собирался со всей округи.

Пошла я на ярмарку в Девятник и в 41-м году. Вдруг в самый разгар гулянки по радио, что висело на столбе, объявили о начале войны с Германией. После этого сообщения было уже не до гулянья: народ сразу разошёлся, — как ветром ярмарку сдуло. К вечеру того же дня многим парням были вручены повестки.

Немцы наступали, но мы надеялись на то, что Красная армия их остановит. Я, как и прежде, каждый день ходила на работу. В одну из моих обязанностей входило ежедневно передавать по телеграфу на аэродромы и в другие организации сводки погоды. Вдруг ни с того, ни сего телеграф перестал работать. Я позвонила в военкомат — узнать, в чём дело, и услышала в телефонной трубке: «Немцы на подходе, эвакуируйтесь, закрывайте метеостанцию и убегайте». Мы метеостанцию закрыли на замок и разошлись по домам, собирать пожитки.

Савкинцы эвакуировались вместе с заповедником. Эвакуацией музейного имущества занимался заместитель директора по хозяйству Аксёнов.

Савкинцам тоже выделили коня. На него жители деревни погрузили только самое необходимое. Сами, невзирая на возраст, шли пешком. На телеге среди пожитков сидела только моя мама: у неё и сердце было больное, и ноги с молодости болели. Мы шли в сторону Новоржева через Касохново, а когда дошли до Жарков, то узнали, что немцы уже в Новоржеве — нам пришлось возвращаться назад.

Не успели добраться до дома, как приходит к нам военный и говорит: «Уходите из

деревни, вам надо скрываться, здесь скоро будет бой». Мы оставили свои дома и стали копать землянки на Вороньей горке. Воронья горка находится по соседству с Савкиной горкой. Между этими холмами протоптана тропинка, ведущая из Михайловского в Савкино.

Совсем мало времени прошло с тех пор, как мы вкопались в холм, вдруг прибегает со стороны Сороти мой двенадцатилетний братишка Лёнька, сам не свой, мечется, кричит: «Там наших солдат убивают. Они со стороны Песечек через реку перебираются, а немцы по ним стреляют... Кто плывёт, а кто тонет... Раненные стонут, а немцы всё стреляют, стреляют...».

Потом мимо нас побежали солдаты, и всё в лес, всё в лес...

Часа через два после этого нагрянули к нам немцы. Нас всех из землянок выгнали, сами в землянки полезли, проверять, нет ли там солдат. С тех пор мы всю войну так и кочевали — то домой, то опять в землянку.

В Михайловском при немцах я бывала редко, разве, только в день рождения Пушкина. В этот день в Михайловское приходили и другие. Никаких мероприятий не проводилось, но чувствовалось, что этот день для людей особенный.

Однажды я хотела зайти в музей, но бывший лесовод Кузьма Афанасьев, назначенный немцами заведующим музеем, меня туда не пустил, сказав: «Комсомольцам здесь делать нечего».

С приходом немцев жизнь изменилась: голод, антисанитария, постоянное психическое напряжение — всё это отразилось на здоровье людей. Народ стал болеть такими болезнями, о которых в советское время и думать забыли: дизентерия, цинга, брюшной тиф. Немцы очень боялись тифа. Больных тифом приказано было свозить в тифозные бараки. В Михайловском под тифозный барак приспособили здание метеостанции.

В нашей деревне немцы не стояли, поэтому они нам сильно не докучали, только время от времени заходили с поборами, а с 42-го года, когда стали молодёжь отправлять на работы в Германию, повестки пришли и в Савкино. Одна из них была вручена моей сестре Кате. Катя могла бы отказаться от угона в Германию, но в этом случае отравили бы

в Германию меня, или другую нашу сестру, Нину.

В 45-м году Катя вернулась домой с больным сердцем. Хотя здоровье у неё было подорвано, она в 48-м году вышла замуж, родила девочку. Когда этой девочке не было и двух лет, Катя умерла. После войны многие из тех, кто возвращался из Германии, вскоре умирали.

Весной 43-го года за Соротью появились партизаны. На них немцы не раз посылали карательные отряды. В это время в Савкино было слышно, как за рекой идёт бой.

Зимой 43-го немцы стали жечь за Соротью деревни. Наш дом стоял на краю холма. Однажды ночью мы увидели зарево за рекой, вышли на крыльцо, глядим: в Дедовцах горят дома. Отчётливо было видно, как к соломенным крышам подносят зажжённые факелы и крыши вспыхивают. К утру в деревне ничего кроме головешек не осталось. Ближе к концу оккупации, для того, чтобы наблюдать за партизанами, немцы на нашем доме устроили вышку, потом нас выселили из дома в землянку. Чуть позже, зимой 44-го года и остальных савкинцев погнали из домов: сказали, чтобы шли в Луговку.

В Луговке всех нас приняли, отнесли к нам очень хорошо, даже нашу большую семью смогли приютить, а через две недели нас вместе с жителями Луговки погнали в сторону Опочки.

Не доходя до Опочки, мы остановились в какой-то деревне, стоявшей у большой дороги. Жили мы там долго: зиму, весну, лето. Летом 44-го года утром вышла я на улицу и вижу — стоит незнакомый молодой мужик и говорит мне: «Беженцы, идите домой, Пушкинские Горы взяты». Мы сначала не поверили, но потом обрадовались, стали собирать пожитки, вязать в узелки.

Пришли домой, и видим: ни одного дома в деревне не осталось, лежат только головешки. Хоть бы какой сарай уцелел — всё сожжено. Брат нашёл пустой бункер, пошли туда ночевать. Сидим в бункере, песок на нас сыплется. Двоюродная моя сестра Таня Белькова мне и говорит: «Пойдём в Михайловское, поглядим, что там, всё равно помирать».

Приходим в Михайловское, а по разорённой усадьбе какой-то народ ходит: все

нарядные, хорошо одетые, на местных не похожие. Один из них, как я потом узнала, директор института Русской литературы Академии наук СССР Лебедев-Полянский, обратился к нам: «Вы местные, девушки?». «Да, — отвечаем, — Во время оккупации здесь жили? — Жили, — говорим, — Тогда помогите нам, расскажите, что в этих местах происходило при немцах». Мы с Таней всё, что знали, то им и рассказали. Позднее я узнала, что эти приезжие люди были членами Чрезвычайной Государственной Комиссии и занимались расследованием преступлений фашистов в годы оккупации.

Лебедев-Полянский после того, как побеседовал с нами, спросил: «А вы, девушки, не хотите поработать в заповеднике?». Мы, конечно, обрадовались такому предложению. Нам с Таней тут же и трудовые книжки выписали. Меня взяли на работу на должность заведующей хозяйством, а Татьяну Николаевну Белькову на должность счетовода. В этот же день нам и жильё дали. Тане выделили жильё на хоздворе в конюшне. Конюшня требовала большого ремонта, но там хотя бы были стены да продырявленная крыша.

Наша семья поселилась в леднике. Эта каменная постройка уцелела, правда, крыша в нескольких местах была пробита снарядами, да дверь снизу зацементирована, поэтому не открывалась. Домой мы лазали через окно. Потом мы своё жилище благоустроили: отбили от двери цемент, чтобы можно было её открыть, натаскали с пепелища дома Пушкина кирпичей, из которых дед Проха, тот самый, о котором Гейченко писал в одной из своих новелл³, сложил нам русскую печку. Так мы и прожили, как господа, ровно 3 года, 3 месяца и 3 дня.

Как только нас с Таней взяли в заповедник, мы сразу приступили к работе, стали зарывать окопы. Через два дня после этого появился в Михайловском довоенный заместитель директора заповедника, Николай Иванович Аксёнов.

Что он делал во время оккупации, я не знаю. Видно, после неудавшейся эвакуации жил себе с женой Анной, как и прежде, на хоздворе в доме, стоявшем возле угольной ямы.

После освобождения заповедника Аксёнов сам на себя взял обязанности директо-

ра. Сначала он принял на работу в заповедник 7 человек, а к августу нас стало уже 17. Основным нашим занятием была расчистка усадьбы и парков от завалов.

Работы было достаточно: парк был настолько завален деревьями и хворостом, что пройти было невозможно. Кругом были траншеи, на месте разрушенных построек лежали груды обгоревшего мусора. Полностью были разрушены наиболее значимые постройки: домик няни, дом-музей Пушкина, флигель, в котором до 37-го года находился музей. Во время разбора завалов мы каждый день находили неразорвавшиеся мины. Их было много. В этом случае мы тут же вызывали сапёров. Они работали на берегу Сороти.

В то время Пушкинский заповедник подчинялся Институту Русской литературы, и наше начальство находилось в Ленинграде. Только через несколько месяцев после того, как нас с Таней приняли на работу в заповедник, в Михайловское приехал директор Пушкинского музея Матвей Матвеевич Калаушин, он выдал работникам зарплату, а нам с Таней предложил несколько месяцев поработать в Ленинграде в Институте русской литературы. Мы с радостью согласились, благо в Ленинграде нам было у кого остановиться.

В ИРЛИ мы занимались инвентаризацией, собирали какие-то шкафчики, тумбочки, наклеивали этикетки. В Ленинграде нам исправно выдавали зарплату. Так мы и жили до самой весны.

Весной Калаушин нам сказал: «Поезжайте домой. Скоро туда приедет новый директор заповедника Семён Степанович Гейченко. Будете работать под его началом».

Вскоре после нашего возвращения домой прибыл в Михайловское и Гейченко. Он сразу приступил к делу, работа закипела. Новый директор всем понравился: был строгий, но без шуток и прибауток у него не обходилось.

Гейченко для проживания была выделена комната в научной части. Директор занял первую комнату от входной двери. Вид из окна его комнаты открывался на усадьбу.

Флигель, в котором поселился директор, во время войны пострадал меньше других построек. То, что Аксёнов писал в своём «приёмном акте» о том, что в этом доме не

было ни дверей, ни окон, ни полов, так это неправда. Единственно, что требовало большого ремонта, так это крыша, она местами была пробита снарядами, вот и всё. Видимо, Николай Иванович, составляя этот документ, слегка преувеличил разрушения в надежде на то, что государство выделит побольше средств на восстановление заповедника.

Я как-то читала о том, что Гейченко, приехав в Михайловское, поселился в землянке, на самом деле и это не так. В Михайловском ни он, и никто другой никогда не жил в землянке. В землянке, а точнее в блиндаже, находилась только банька, в которой по субботам мылись работники заповедника. Банька была расположена между «еловой аллеей» и «Чёрным прудом».

Вскоре после приезда Гейченко в Михайловское прибыла в заповедник правительственная комиссия, чтобы наметить план работ по восстановлению заповедника. Люди приехали очень важные. Они всюду ходили, всё осматривали, что-то решали. Через какое-то время после их отъезда в Пушкинских Горах была создана специальная контора Ленинградского отделения Ленакадемстроя. Восстанавливать заповедник приехали специалисты из Ленинграда. Так же на работу в Ленакадемстрой устроилось много местных жителей. Восстановительные работы развернулись в полную силу. Восстанавливали и строили одновременно всё: и Святогорский монастырь, и Михайловское, и Савкино.

Гейченко всё держал под контролем: так там на стройке и торчал, во всё вникал. Да и сами рабочие старались: всюду кипела работа. И мы от работников Ленакадемстроя не отставали, хотелось всё поскорее в порядок привести, чтобы ничто не напоминало о войне. Бывало, только справишься со своими обязанностями — и давай скорей в земле ковыряться, разбирать завалы. От этого руки постоянно были чёрные.

В Михайловском помимо того, что шло восстановление «Домика няни» и «Дома-музея Пушкина», ремонтировали уцелевшие во время войны постройки. Среди этих построек был и дом, в котором, по словам Гейченко, жил ещё при сыне Пушкина управляющий. Этот флигель предназначался для проживания семьи директора заповедника. Любовь

Джалаловна, жена Гейченко, приехала в заповедник не с мужем, а чуть позже.

В общении она, так же как и Семён Степанович, была простая, очень доброжелательная. Бывало, как ни зайдёшь к Гейченко по делу — обязательно чем-нибудь да угостит, а то и за стол посадит, чаем напоит. Такая же была и мать Семёна Степановича Елизавета Матвеевна, переехавшая к нему сразу после войны. Старуха была парализована. Она любила, когда я к ней заходила. Бывало, соберёшься уходить, а она не отпускает, просит: «Ну, посиди со мной хоть капельку, ну, хоть капельку посиди...». Жила она в Михайловском недолго, вскоре скончалась. Похоронил её Семён Степанович на Охтинском кладбище в Ленинграде.

С Любовью Джалаловной, женой Гейченко, мы быстро подружились. Она устроилась в заповедник библиотекарем, но вскоре уволилась, потому что по закону не имела права работать под началом мужа. Затем она работала в Пушкинских горах в районной библиотеке. Библиотека размещалась в только что выстроенном Доме культуры.

На работу Любовь Джалаловна чаще всего добиралась пешком, или вместе с рабочими на лошади. Когда заповедник приобрёл автобус и на нём стали отвозить в школу ребят из окрестных деревень, Любовь Джалаловна стала ездить на работу вместе с ними. Домой возвращалась как получится, но чаще всего ей приходилось добираться пешком.

В летнее время, конечно, хорошо прогуляться, а зимой идти через тёмный лес не очень приятно. После того, как отменили закон, запрещающий работать в подчинении родственников, Любовь Джалаловна вернулась на работу в заповедник и стала работать заведующей архивом.

Во время восстановительных работ Ленакадемстроем в Савкино было поставлено 6 домов для работников заповедника. Все дома были одинаковые и стояли под одной крышей с хлевами. Позднее жильцы, не желавшие держать скотину, эти пристройки приспособили под жильё.

В первом доме поселилась заведующая библиотекой Пушкинского заповедника Евдокия Герасимовна Звагольская. У неё были две дочери: Тамара и Надежда. Старшая дочь

Евдокии Герасимовны Надежда Георгиевна к тому времени только что закончила в Ленинграде лесотехнический факультет какого-то учебного заведения, после чего её сразу взяли на работу в заповедник учёным лесоводом. Под её контролем был не только заповедный лес, она также занималась парками и цветами. Где и кем работала младшая дочь Евдокии Герасимовны Тамара, я не помню. Тамаре в то время, когда она вместе с матерью и сестрой переехала в Савкино, было 19 лет. Через два года она вышла замуж за художника Бориса Матвеевича Калаушина. Борис Матвеевич доводился сыном Матвею Матвеевичу Калаушину, создателю и первому директору Всесоюзного музея Пушкина. Сам Матвей Матвеевич в то время часто бывал в заповеднике, вникал в его нужды и оказывал помощь.

Второй дом был предназначен для Николая Дмитриевича Шенделя. Коля Шендель пришёл к нам из-под Ленинграда с группой беженцев. После освобождения Пушкиногорского района был призван в армию, но воевал недолго: был тяжело ранен. После демобилизации вернулся в Пушкиногорский район с орденом Отечественной войны I степени, но без глаза. Вскоре после возвращения из госпиталя он женился на моей двоюродной сестре Тане Бельковой. К тому времени она уже работала в заповеднике бухгалтером. Колю тоже взяли на работу в заповедник. Он был назначен лесником.

Третий дом выделили нашей семье. В Савкино мы переехали в 47-м году к празднику 7 Ноября. Незадолго до этого вернулся домой папа.

Его освободили в самый разгар войны. Возвращаться папе в то время было некуда, потому что Савкино находилось под немцами. Пришлось ему остаться на строительстве Беломорканала.

Когда отец вернулся домой, Гейченко его сразу взял на работу столяром, но для того, чтобы не нарушать закон, меня с должности заведующей хозяйством пришлось перевести на должность кассира.

Гейченко часто приходил к папе в мастерскую, давал ему задания что-то смастерить, переделать. В то время не было никаких станков, всё делалось вручную. От работы у

папы плечи так болели, что он по ночам криком кричал. Отец отработал в заповеднике с 1947 года по 1972-й, то есть до самой своей смерти.

До сих пор в наших музеях стоят стулья, скамьи и другие предметы быта, сделанные его руками.

В то время, когда мы переехали в Савкино, к нам наведались НКВД-шники, с целью сообщить папе о том, что его дело пересмотрели: выяснилось, что он был арестован по ошибке. Эти люди ни у него, ни у его семьи даже прощения не попросили. Отец тогда очень сильно рассердился и сказал им: «Я и без вас знаю, что ни в чём не виноват, всё, что было мне положено отсидеть — честно отсидел, мне ваша реабилитация не нужна и с вами теперь мне больше разговаривать не о чем, уходите».

В девяностые годы в одной из телевизионных передач говорили о сталинских репрессиях и упомянули о безвинно пострадавшем Иванове Алексее Ивановиче из деревни Савкино, отметив, что никто не понёс наказание за то, что человека осудили невинно.

Четвёртый дом выделили водителю легковой машины Александру Петровичу Иванову, незадолго до этого события женившемуся на моей сестре Нине.

В пятом жили экскурсоводы. Они работали по договору. В основном это были ленинградцы, в том числе и студенты.

Из экскурсоводов мне особенно запомнилась Нина Ивановна Грановская. Она совсем ещё молоденькой девчонкой, приехала к нам из Ленинграда. Сначала жила в деревне Бугрово, потом ей выделили жильё в Савкино. Грановскую сразу взяли на должность старшего научного сотрудника, а потом назначили хранителем дома-музея. В музее в то время велись отделочные работы. Нина была очень деятельная, держала под контролем все столярные работы, проводившиеся в музее, а заодно водила экскурсии. Экскурсантов уже в это время было много. Экскурсии проводились по Михайловскому, Тригорскому и Петровскому.

Шестой дом занял Аксёнов с женой Анной. Николай Иванович Аксёнов после назначения Гейченко на должность директора продолжал работать в заповеднике, но кем,

не помню. Знаю, что он в то время был секретарём парторганизации.

После войны Аксёнов в заповеднике проработал недолго, что-то у него на работе не заладилось. Я думаю, что не поладили они с Гейченко. Аксёнов был человек слишком «правильный», ответственный и принципиальный. Говорили, что у него была слабость — чуть что, писать докладные в разные инстанции. А то, что он на Кузьму Афанасьева донёс, так это я точно знаю. Меня по этому делу на судебное разбирательство в качестве свидетеля вызывали. Свидетелей того, что Афанасьев при немцах заведовал музеем Пушкина в Михайловском, возили на грузовике во Псков, где судили Кузьму Васильевича.

Афанасьева, так же, как и моего отца, судила «тройка». На суде мне пришлось подтвердить, что, действительно, Кузьма Васильевич Афанасьев в годы оккупации был заведующим музеем Михайловского. Ничего другого я не сказала, да и сказать мне больше было нечего.

За сотрудничество с немецкими властями Афанасьев был осуждён и приговорён к 15 годам лишения свободы. Лично я его не осуждаю: что он плохого сделал? Наоборот, сохранял, как мог, музейные ценности.

Я слышала, что ещё до ареста он пришёл в Пушкинский Дом к Лебедеву-Полянскому и передал ему пушкинские бильярдные шары. Он их спас, уберёг от вывоза в Германию. Наверное, не без его ведома утаил отдельные музейные экспонаты и документы, а затем передал их Пушкинскому заповеднику и бывший электрик заповедника Пётр Петрович Святогоров. Они вместе занимались составлением описи музейного имущества, предназначенного для отправки в Германию. Возможно, в это время и смогли кое-что припрятать из музейного имущества, для того, чтобы потом вернуть заповеднику.

Шесть домов, в одном из которых поселилась наша семья, были самыми первыми послевоенными постройками в деревне Савкино.

После войны жизнь постепенно налаживалась: в Михайловском разбирались завалы, восстанавливались постройки, снова в нём появились экскурсанты. В нашей семье тоже одно радостное событие сменялось

другим: в 45-м вернулась из Германии Катя, в марте 47-го пришёл из заключения папа, 7 ноября 47-го у нас снова появился свой дом, а зимой 49-го я вышла замуж за Василия Яковлевича Шпинёва.

Он был местным, родом из деревни Батово. Эта деревня тоже имеет отношение к Пушкину. В Батово жили племянники Прасковьи Александровны, хозяйки Тригорского.

Василий Яковлевич ещё до войны окончил Опочечское педучилище, затем до призыва в армию работал в школе. Когда началась война, он служил в Белоруссии в приграничном городе Слоним. От Слонима вместе с частями Красной Армии дошёл до Полтавы, где при окружении части гитлеровскими войсками, вместе с группой солдат и офицеров был взят в плен.

Это случилось в сентябре 1941-го года. Потом был концлагерь в городе Кировограде, тяжёлые работы в Германии на заводе во Франкфурте-на-Майне. В мае 45-го он бежал из рабочего лагеря, и через пункт репатриации советских граждан был направлен в ряды Советской Армии. В 46-м году был уволен в запас и вернулся в Пушкинские Горы, где сразу устроился на работу литературным сотрудником в районную газету «Пушкинский колхозник». Вот тут-то его заметил Гейченко и переманил в Пушкинский заповедник. Редактор газеты потом долго дулся и на Гейченко, и на Василия Яковлевича.

Василий Яковлевич ещё не успел устроиться на работу, как весть об этом событии разнеслась по заповеднику. Помню, приходит к нам Яков Моисеевич Гордин, заместитель директора по науке и говорит: «Ну, девчата, держитесь, Семён Степанович принял на работу такого парня! Ну, хорош парень, ну, хорош!». Так получилось, что я-то как раз и не удержалась, и через два года вышла за него замуж.

Василий Яковлевич действительно оказался очень хорошим человеком и хорошим работником. Не успел он устроиться на работу, как стал водить экскурсии по Михайловскому. Уже в 47-м году Гейченко назначил его на должность заведующего музейными фондами, таким образом, Василий Яковлевич положил начало систематической фондовой работе в заповеднике. Под руководством

Семёна Степановича и вместе с ним он пополнял фонды, принимал участие в этнографических экспедициях, подбирал материалы для экспозиций будущих музеев, участвовал в их оформлении, занимался художественно-оформительской работой...

Первой такой его работой был «Домик няни». Музейную экспозицию в нём торжественно открыли в 47-м году. Василий Яковлевич под руководством Гейченко принимал участие в подборке экспонатов для этого музея, а также в оформлении экспозиции. Впоследствии экспозиция в «домике няни» время от времени менялась, но всегда в основе её оставалась шкатулка Арины Родионовны.

Подсказки Гейченко, его непосредственная помощь в работе, способствовали профессиональному росту моего мужа. Семён Степанович и вдохновлял, и советовал, а то и просто подталкивал. Благодаря ему Василий Яковлевич поступил на заочное отделение Псковского пединститута и закончил его.

В послевоенное время заповедник очень нуждался в работниках, но не хватало ставок, поэтому большая часть его сотрудников работала по договору. С трудоустройством на работу Василия Яковлевича дело обстояло ещё сложнее: в трудовой книжке указано, что с 47-го по 49-й он через Артель инвалидов работал в заповеднике в качестве художника-оформителя, потом был временно принят в заповедник научно-техническим сотрудником, с 50-го года работал на Пушкиногорской турбазе старшим методистом по экскурсионному обслуживанию туристов.

На самом деле он всё это время работал в Пушкинском заповеднике хранителем фондов.

Я до середины 60-х годов, как и большинство работников заповедника, тоже работала по договору. Сначала была заведующей хозяйством, потом кассиром, а в 50-м году меня перевели на работу секретарём-машинисткой.

Поначалу я с трудом справлялась с новыми обязанностями: бывало, наделаю ошибок, да таких глупых, что и не знаешь. Семён Степанович проверит — посмеётся надо мной, поругает, подковырнёт, а потом свою вину заглаживает: приду на следующий день на работу, глядь, а у меня под пишущей машинкой лежит несколько конфет.

Поскольку я работала по договору, то умудрялась совмещать работу в заповеднике с другой работой. Зарплата секретаря-машинистки была очень маленькой, поэтому, когда возле Савкино, в 60-м году был устроен аэродром, я устроилась туда на работу начальником посадочной площадки. Каждый день утром и вечером, а иногда и в обед, я бежала на посадочное поле, чтобы расстелить старт и прибить его кольшками. Старт — это полотно, на которое должен был приземляться самолёт. Летом я расстилала белый старт, а зимой — чёрный. Зимой частенько приходилось расчищать взлётную площадку от снега. Я принимала самолёт, а после его приземления продавала билеты и пропускала по билетам пассажиров. Вечером старт сворачивала и прятала. Двенадцатиместный самолёт АН-2 прилетал ежедневно утром и вечером. Иногда самолёт прилетал и в обед. Тогда мне приходилось тайком от начальства сбегать с работы, чтобы его принять.

Прилетали на этом самолёте и экскурсионные группы, и простые пассажиры. Никаких удобств на Савкинском аэродроме не было. От аэродрома до посёлка пассажирам нужно было добираться пешком.

Начальником посадочной площадки я работала два года, до того времени, пока не построили аэродром в Пушкинских Горах.

Так и приходилось крутиться, чтобы прокормить семью, и подрабатывала, и на огороде всё своё выращивала. В заповеднике у всех были очень маленькие зарплаты. Иной раз трудно было свести концы с концами, и в то же время хотелось хоть чем-то побаловать детей. У нас их было двое: Лена и Вера.

Когда они появились на свет, в нашем маленьком домике не стало хватать места, поэтому в 1956 году мы с мужем поставили в Савкино новый дом, в который перебрались всей семьёй. В этом доме у нас не раз бывал Гейченко с женой. Мы дружили семьями. Особенно близкие отношения у меня были с Любовью Джалаловной, а наша старшая дочка Лена дружила с Татой, их дочерью.

Лена и Таня Гейченко родились в один год и в один месяц. Лена была старше Таты всего на 18 дней. У Лены никогда не было подружки лучше, чем Таня. Пожалуй, я не ошибусь, если скажу, что она была её единствен-

ная настоящая подруга. Девчонки до сих пор не могут жить друг без друга. Хотя Татьяна Семёновна и уехала в Петербург, они с Леной чуть ли ни ежедневно созваниваются.

Семья Гейченко никогда не забывала поздравить нас с днём рождения, с Новым годом и с другими праздниками, как советскими, так и с церковными. В праздничные дни всегда приглашали нас к себе в гости. На праздник Пасхи Семён Степанович не забывал прийти к нам с крашеным яйцом.

С 67-го года в Михайловском стали проводиться Пушкинские праздники поэзии. С этого времени всё больше и больше знаменитостей стало приезжать в наши края. Многие из них подолгу гостили у Гейченко. При них нам было как-то неловко без особой надобности приходиться к Семёну Степановичу, и мы стали бывать у него реже, но общения с его гостями нам не удалось избежать. Бывало, как гости к нему ни приедут, так он их обязательно отправит в Савкино нас проведать. К нам он, наверное, только министров да членов правительства не отправлял — все остальные его гости у нас побывали. Однажды к нам заявила, я думаю, целая труппа ряженных артистов.

Ну, конечно, если гости пришли, то надо и посидеть с ними, и поговорить и стол накрыть. Что было у нас в доме из продуктов, то на стол и выставляли.

Конечно, с гостями Семёна Степановича общаться было интересно: люди творческие, умные, талантливые. Я думаю, что им у нас нравилось, потому что некоторые из них к нам частенько захаживали. Помню, как-то Андрей Миронов всё ходит, да ходит по нашему дому из комнаты в комнату, а потом и говорит: «В этом доме я третий раз, и с каждым разом он мне всё больше и больше нравится. Сразу видно, что всё сделано своими руками, с душой: ни щёлочки, ни зазора». А у нас, действительно, не только дом был сделан своими руками, но и большая часть мебели.

Муж мой, Василий Яковлевич, быстро у моего отца столярное дело перенял: и мебель сам делал, и шкатулочки. Свои шкатулки он дарил только самым дорогим людям: мне, дочкам.

Дочки наши подрастали. Закончив шко-

лу, поступили в Псковский пединститут. Вера после его окончания осталась там работать, а со старшей, Леной всё было сложнее: не смогла она к городу привыкнуть.

Когда Лену в 1968 году приняли на учёбу в пединститут, мы для неё сняли у одной женщины комнату в Пскове. Вскоре после этого приезжаю я её проведать, а хозяйка мне так тихонечко и говорит: «Возьмите ребёнка домой, я за неё боюсь. Она не учится, а только плачет. День и ночь плачет, по дому тоскует». Пришлось Лену в Савкино везти. Отец перевёл её на заочное отделение. Когда Семён Степанович об этом узнал, сказал нам: «Нечего Ленке дома сидеть, пусть устраивается в заповедник смотрителем». Так и стала

Лена работать в заповеднике. Однажды Семён Степанович подслушал, как она по собственной инициативе школьникам проводит по музею экскурсию, и перевёл её в экскурсоводы. После окончания института она стала научным сотрудником фондов, а после смерти отца — заведующей фондами.

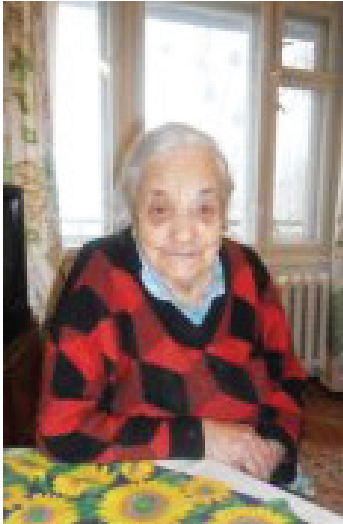
Василий Яковлевич умер в конце апреля 1981 года. Семён Степанович в это время был очень болен. Он лежал с пневмонией, поэтому не смог пойти на похороны, но мне прислал записку: «Прости меня, что я не пришёл проститься с Василием Яковлевичем — это проклятая пневмония... Одно знаю, что такого друга и такого работника у меня не было и больше никогда не будет».

В настоящее время Мария Алексеевна Шпинёва живёт в посёлке Пушкинские Горы, где в 2014 году по сертификату получила однокомнатную квартиру с удобствами. В её светлой, скромно обставленной комнате, над кроватью висит икона Богородицы, чуть поодаль — изображение изгиба Сороти у Вороньей горки, а на самом видном месте повешена репродукция с портрета Пушкина, работы Ореста Кипренского. Ближе к двери, так, чтобы сразу не бросались в глаза, размещены за стеклом в неброских рамках две скромные чёрно-белые фотографии: на одной из них запечатлён Василий Яковлевич за работой в фондах, а на другой увековечено дружеское рукопожатие Алексея Николаевича Косыгина и Василия Яковлевича Шпинёва.

Пятого февраля 2017 года Марии Алексеевне Шпинёвой исполнилось 98 лет. В этот день её пришло поздравить 14 человек, среди которых были гости из Москвы и Пскова.

Примечания

1. Пушкин А. С. Борис Годунов. 1826 г.
2. Никифоров В. Г. Земли родной минувшая судьба // Михайловская пушкиниана. Вып. 17. М., 2001. С. 70–101.
3. Гейченко С. С. У Лукоморья (новелла «Рассказы деда Прохи»). Л.: Лениздат, 1977. С. 191–197.

**Шпинёва Мария Алексеевна
(2017 г. Архив автора)**

**Иванов Алексей Иванович (справа)
в годы Первой Мировой войны
(Архив Шпинёвой М. А.)**

**Члены Чрезвычайной
Государственной комиссии
расспрашивают Белькову Татьяну Николаевну
о злодеяниях, совершённых фашистами
на территории Пушкинского заповедника
в годы оккупации
(Июль 1944 года. ПЗ-КП-12249)**

**Колония для престарелых
и малоимущих литераторов в Михайловском.
Прислуживает за столом Даша
(1915—1917 гг. Архив ПЗ)**

Восстановление дома-музея А. С. Пушкина
в Михайловском.
Слева Гейченко Семён Степанович
(Архив ПЗ)

Иванов Алексей Иванович за работой
во время восстановления
дома-музея А. С. Пушкина в Михайловском
(Архив ПЗ)

Коллектив сотрудников
Пушкинского заповедника 1 мая 1949 г.
Со знаменем стоит секретарь парторганизации
заповедника Аксёнов Николай Иванович,
справа от него — Гейченко Семён Степанович
(Архив ПЗ)

Восстановление дома-музея
А. С. Пушкина в Михайловском.
В дверном проёме стоит
Грановская Нина Ивановна (Архив ПЗ)

Коллектив сотрудников
Пушкинского заповедника
на балконе дома-музея А. С. Пушкина
в Михайловском
(Архив ПЗ)

Сотрудники Пушкинского заповедника
на лестнице, спускающейся
от дома-музея А. С. Пушкина к р. Сорочь:
Гейченко Семён Степанович,
Шпинёва Мария Алексеевна,
Звагольская Евдокия Герасимовна,
Звагольская Надежда Георгиевна,
Белькова Татьяна Николаевна,
Звагольская Тамара Георгиевна
(Овсянников Ф. И. 1948 г. Архив ПЗ)

Шпинёвы Мария Алексеевна
и Василий Яковлевич на крыльце
своего дома в Савкино
(1970-е годы. Архив ПЗ)

Шпинёв Василий Яковлевич
за работой в фондах
Пушкинского заповедника
(1970-е годы. Архив Шпинёвой М. А.)

Рукопожатие председателя
Совета Министров СССР
Косыгина Алексея Николаевича
и Шпинёва Василия Яковлевича
(1976 г. (?) Архив Шпинёвой М. А.)

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АПЗ	Архив Пушкинского заповедника
ВО ГАПО	Великолукское отделение Госархива Псковской области
ГАПО	Государственный архив Псковской области
ГубОНО	Губернский отдел народного образования
МАМЮ	Московский архив Министерства юстиции
ОДНИЛС ГАПО	Отделение документов новейшей истории и по личному составу Государственного архива Псковской области
РГАДА	Российский государственный архив древних актов
РГАЛИ	Российский государственный архив литературы и искусства
РГВИА	Российский государственный военно-исторический архив
РМС	Российский медицинский список
РО ПД	Рукописный отдел Пушкинского Дома
ПКПГ	Памятная книжка Псковской губернии
П1Л	Псковская первая летопись
П3Л	Псковская третья летопись
УОНО	Уездный отдел народного образования
ЦАМО	Центральный архив Министерства обороны